

ГЛАВА III.

ГУМАНИТАРНОЕ КРАЕВЕДЕНИЕ КАК ФЕНОМЕН СОВЕТСКОЙ КУЛЬТУРЫ

«Строй, научно предвиденный, предсказанный, оплаченный многими годами борьбы, бесчисленными жертвами, в первые же десятилетия свои обернулся невиданной в истории автократией и бюрократией, деспотией и беззаконием, самоистреблением, неслыханной жестокостью, отчаянными просчётами в практической, хозяйственной жизни, хроническими недостатками предметов первой необходимости — пищи, одежды, жилья, огрублением нравов, навыками лжи, лицемерия, ханжества, самохвальства и т.д., и т.п. И даже когда ему самому, этому строю, пришлось перед всем миром — сочувствующим и злорадствующим — признаться в том, что не всё уж так хорошо, назвав всё это "культом личности", то, во-первых, он хотел это представить как некий досадный эпизод на фоне общего и "крутого подъёма", а во-вторых, это признание и "меры" были того же, что при культе, порядка».

*А.П. Швардовский.
Новомировский дневник.*

Этот раздел моей книжки посвящён периоду, начавшемуся в деле изучения и охраны российских древностей в связи с революционными событиями рубежа 1910 – 1920-х годов и продолжавшемуся до рубежа годов 1940 – 1950-х. Среди многих отличий этого отрезка выделю личностный, кадровый — за это время поколения учёных и краеведов дореволюционного воспитания сменились специалистами и любителями советской подготовки. Но и этих последних готовили, как правило, люди с настоящим гимназическим да университетским образованием. Кое-кого из тех и других я знал лично, учился у них на историческом факультете Курского педагогического института. К древностям Курской земли меня приобщали преподаватели курса археологии Юрий Александрович Липкинг (1904–1983), успевший поучиться в той самой дореволюционной гимназии, и его преемник Константин Фёдорович Сокол (1932–1993), выпускник школы уже советской. Руководители первой в моей жизни археологической практики (в 1971 году, на Авдеевском городище и селище под Курском) Анна Ивановна Алихова-Воеводская (1902–1989) и Эраст Алексеевич Сымонович (1919–1983) из Института археологии АН СССР, в свою очередь, принадлежали к первому поколению уже советских археологов.

С историей Древнего мира знакомила Елена Илиодоровна Матва (урождённая Красовская) (1929–2015), которую в Ярославле 1940-х годов, в десятилетке и педагогическом институте готовили специалисты старой закалки.

Понимание русской революции приходило после лекций и семинаров по истории Французской революции Веры Эммануиловны Скорман (1910–1989), аспирантки профессора Я.М. Захера (1893–1963) и академика Е.В. Тарле (1874–1955). У неё я писал свою первую курсовую работу — «Российские отклики на Великую Французскую революцию».

Историю Гражданской войны в России я сдавал Иосифу Исаевичу Френкелю (1922–2004), в МПГИ имени Ленина писавшего диплом под руководством С.М. Бахрушина (ученика В.О. Ключевского). А с режимом немецкой оккупации Курска меня познакомил Иван Григорьевич Гришков (1922–2001), питомец знаменитого МИФЛИ. И Френкель, и Гришков — добровольцы Великой войны, всю её «от звонка до звонка» прошли на передовой, заслужили боевые ордена и медали.

Первые уроки какой-никакой, но философии истории я получил от Александра Николаевича Илиади (1921–1980), инженера и филолога; и Марка Абрамовича Степинского (1921–2000), учившегося и в МИФЛИ, и в МГУ. У них почти одинаковый «бант» орденов и медалей Отечественной войны. Инвалидность первой степени, правда, разная после фронта: у первого отказывали ноги, у второго глаза.

Как преподавать историю да философию недорослям, объяснили Лев Фёдорович Спирин (1928–2001) и Михаил Львович Фрумкин (1931–2000). Их кафедра педагогики, конечно, была никакой, но эти два преподавателя «мёртвый» предмет умели оживить.

Традиции русского фольклора разъяснял мне Юрий Иванович Юдин (1938–1995), любимый аспирант легендарного фольклориста В.Я. Проппа (1895–1970). А правдивую историю советской литературы — Андрей Ефимович Кедровский (1935–2002) и Георгий Евгеньевич Голле (1930–2003). Оба студентами прошли борьбу против космополитизма в литературе, учинённую Сталиным перед смертью.

Похожая ситуация с наставниками и у остальных российских историков и археологов среднего и старшего поколений. Согласно известной теории «двух рукопожатий», мы получили квалификацию из рук тех, кому её передали специалисты с дореволюционной подготовкой. А в последней четверти XX века в науку и преподавание массово пришли работники уже сугубо советской выделки. «Числом поболее, ценою подешевле» (по словам А.А. Чацкого).

Для историка близкое к его биографии время всегда крайне сложно для истолкования. Отмеченные десятилетия недавно истекшего XX столетия ещё далеко «не остыли» от политических страстей запредельного накала, личных трагедий практически в каждой русской семье, неоднократных ломок всей отечественной культуры. Тем не менее иного способа выявить преемственность в развитии отечественного древлеведения, постараться извлечь некоторые уроки из прежних достижений и утрат на пути познания прошлого и его памятников, чем довести рассмотрение темы до новейших времён, у нас не имеется.

«О мёртвых мы обязаны говорить только правду», посоветовал Вольтер. «Я должен вас предупредить, чтобы вы не удивлялись, если я буду о мёртвых говорить как о живых»¹, предупреждал читателей своих мемуаров «Поля Елисейские» Василий Семёнович Яновский. Подписываюсь под этим девизом и протестую против лицемерных умолчаний и преувеличенных восхвалений в биографиях наших предшественников.

В советской историографии Октябрьская революция полагалась само собой разумеющимся и важнейшим рубежом в развитии всего и вся, началом Новейшей истории человечества. Никаких сомнений не возникало на сей счёт в СССР и у большинства историков самой истории и прочих гуманитарных наук. Вот как, например, периодизировалась история русской археологии в тогдашней воронежской энциклопедии: противопоставление до- и пореволюционного периодов развития этой достаточно специальной дисциплины объяснялось уже тогда «самой сущностью дореволюционной археологии, занятой в первую очередь поисками вещей прошлого, их голым коллекционированием и формалистским описанием, а с другой — классовым составом “археологов”, комплектовавшихся из числа чиновников, духовенства и помещиков, работавших больше всего над разрушением памятников материальной культуры»². Получалось этакое «вредительство» археологов ещё при царизме!

В «Истории советской археологии» А.Д. Пряхина без тени смущения заключалось: «Первый период в развитии советской археологии [до середины 1930-х годов, годов согласно цитируемому автору — С.Щ.] завершился оформлением основ принципиально нового, коренным образом отличающегося от всех существовавших до тех пор, научного направления»³. Как показал развал СССР и крах социалистического проекта в нашей стране, никакой особой новизны в теорию и методологию древней истории марксизм-ленинизм не принёс. «Вообще с марксистскими схемами дело обстоит таким образом: чем хуже знаешь историю, тем они кажутся убедительнее; и наоборот»⁴. Скорее, советская идеология тормозила научное познание далёкого прошлого своими одномерными оценками его «производительных сил и производственных отношений. Практически все археологи, пик карьеры которых пришёлся на советский период, после Перестройки тихо, мирно перестали упоминать классиков марксизма в своих трудах. Немногие гордецы, не терпящие покаяния буквально ни в чём, вроде мастодонта ленинградской археологии. Льва Самуиловича Клейна, продолжают одиноко присягать «марксистской археологии», но к их словам никто уже не прислушивается.

¹ Цит. по: *Довлатов С.Д.* Блеск и нищета русской литературы. Филологическая проза. СПб., 2016. С. 128.

См.: *Яновский В.С.* Поля Елисейские. Книга памяти. М., 2012.

² Энциклопедический словарь ЦЧО. Т. I. Воронеж, 1934. С. 70.

³ *Пряхин А.Д.* История советской археологии (1917 – середина 30-х гг.). Воронеж, 1986. С. 220.

⁴ *Киссель М.А.* Метафизика в век науки. Опыт Р. Дж. Коллингвуда. М., 2002. С. 9.

После конца СССР, однако, возможность прямого переноса вех политического развития на область истории науки и культуры ставится под аргументированное сомнение. Так, исследователь развития сибирской археологии В.И. Матющенко подчеркнул преемственность (организационную, методическую, кадровую) между до- и послереволюционными отрезками работы с историческими древностями в России. Для него «период от Октября 1917 г. до конца 1930-х гг. в истории отечественной и сибирской археологии в том числе не имеет самостоятельного значения, а ближе всего стоит к дореволюционному периоду своей истории»⁵. Та же мысль высказывалась и более прямо: вплоть до середины 1930-х годов то, что осталось в русской археологии после потрясений революции и вызванной ею массовой эмиграции интеллектуалов, гражданской войны и хозяйственной разрухи, «было тем же, что и до революции»⁶.

Оба отмеченные взгляда на время перелома от старой русской археологии к новой, советской, представляются мне излишними крайностями. На мой взгляд, советская по времени существования и общественно-политическому контексту археология «перековывалась» на марксистско-ленинский лад куда сложнее и дольше. Не только слабые, но и сильные её стороны оказались парадоксально причинены именно «табуированием» (по выражению Г.С. Лебедева) дореволюционной археологии как «немарксистской»⁷. Наблюдение же В.И. Матющенко и его единомышленников на сей счёт ближе к истине, но неполно. Наряду с временным и частичным сохранением накопленного до революции идейного, институционального, кадрового потенциала, отказавшиеся от эмиграции наши археологи 1920-х годов жили и действовали уже в совсем другой стране, которая даже не называлась больше Россией. К старым специалистам сразу присоединились новые энтузиасты, которые раньше оставались в тени более чиновных и старших возрастом лидеров российской археологии, либо вообще оказались допущены в этот круг только благодаря определённой демократизации жизни в стране после революциям.

Уточнил обсуждаемую, действительно противоречивую ситуацию А.А. Формозов. В специальном разборе имеющихся периодизаций развития отечественной археологии он выделяет в XX столетии такие пики качественного перелома в этом процессе, как, во-первых, годы революции, гражданской войны; а во-вторых, сталинский «разгром археологических

⁵ Матющенко В.И. История археологических исследований Сибири (До конца 1930-х гг.). Омск, 1992. С. 91.

⁶ Клейн Л.С. Российская археология на переломе // Церковная археология. Материалы I Всероссийской конференции. Ч. 3. СПб. – Псков, 1995. С. 86.

⁷ Лебедев Г.С. История отечественной археологии. 1700–1971 годы. СПб., 1992. С. 432. При цитировании сохраняю симптоматичную («по Фрейд») опечатку, допущенную в выходных данных этой книги. Хотя на титуле подзаголовков заканчивается датой 1917 (а не 1971) год, автор в тезисной форме дотягивает своё изложение до наших дней.

учреждений в 1929–1931 годах». При этом А.А. Формозовым учитываются и моменты плодотворной преемственности (скорее вопреки, нежели благодаря революции), и моменты мертвящей негации в отношении прежней культуры со стороны ревнителей «культуры пролетарской». Важен также призыв маститого исследователя конкретизировать обсуждаемую проблему — ведь «наряду с общей периодизацией отечественной археологии можно предположить и не во всём совпадающие с ней периодизации для истории археологии в отдельных регионах...»⁸.

Хотя собранные в моей работе курские материалы советского периода представляются характерными не только для Центрально-Чернозёмной округи, всего юга России, но в значительной степени для нашей провинции, прежде всего европейской, вообще⁹. Оформившиеся там в конце XIX — начале XX века центры историко-археологических исследований (о них шла речь в предыдущем разделе этой работы) с большими или меньшими потерями пережили военно-революционное лихолетье и во второй половине 1920-х годов испытали определённый подъём своей исследовательской и просветительской активности. Интересы большевиков и оставшейся при них интеллигенции по части «посева разумного, доброго, вечного» среди пролетариата и крестьянства поначалу совпали, породили надежды на более плодотворное сотрудничество властей и общественности на ниве краеведения. Этот альянс, однако, оказался насильственно оборван на рубеже 1920 — 1930-х годов, когда большинство дееспособных краеведов было так или иначе репрессировано, причём во внесудебном порядке. С тех пор региональная археология и родственные ей отрасли знания во многих областях СССР довольно долго не смогли возродиться. На протяжении нескольких послевоенных десятилетий древности этих областей если изучались, то главным образом приезжими из столичных центров специалистами академических учреждений.

За намеченной периодической схемой — судьбы нескольких поколений русских учёных и краеведов. Их вклад в изучение и спасение отечественных древностей нуждается в своевременном запечатлении, справедливой оценке. Тут чаще всего оказывается мало архивированных документов и опубликованных сведений. К документальным и печатным источникам полноправно присоединяются устные сообщения свидетелей и участников излагаемых событий. Среди этих людей — учителя автора этих строк или же учителя его учителей. Риск как-то задеть благодарную память о них искупается, мы надеемся, моральным императивом эту память сохранить, обнародовать «дела давно минувших дней».

⁸ *Формозов А.А.* О периодизации истории отечественной археологии // *Российская археология*. 1994. № 4. С. 223.

⁹ *Щавелёв С.П.* Историография провинциальных древностей (эскиз периодизации применительно к юго-востоку России) // *Археология и история юго-востока Руси*. Воронеж, 1993. С. 92.